

СОДЕРЖАНИЕ

Введение 9

1. Насколько велико современное
неравенство? 15

2. Почему мы миримся
с неравенством? 29

3. Ложь большая и очень большая 36
    Экономический рост 40
    Рост потребления 57
    Соперничество как ключ
    к справедливости 86

4. Слово против дела, или несколько
соображений напоследок... 98

Библиография 104

...ибо кто имеет, тому дано будет и приумножится, а кто не имеет, у того отнимется и то, что имеет...

Евангелие от Матфея, 13:12

Где есть большая собственность — там есть и большое неравенство. На одного очень богатого человека должно приходиться по меньшей мере пятьсот бедных.

Адам Смит

...наша готовность восхищаться богатыми и знатными людьми, даже едва ли не поклоняться им, презирать людей бедных и незнатных или по крайней мере пренебрегать ими... представляется первоначальной и главной причиной искажения наших нравственных чувств.

Адам Смит

...не надо
Меня безумной звать из-за того,
Что показалось вам невероятным.
Но лучше разум свой заставьте вы
На свет из тайников всю правду
вызвать
И ложь прогнать, что притворилась
правдой.

*Шекспир, «Мера за меру» (перевод
Т. Щепкиной-Куперник)*

ВВЕДЕНИЕ

СОГЛАСНО недавним оценкам Всемирного научно-исследовательского института экономики развития при Университете ООН, в 2000 году на долю самого богатого 1 процента взрослых приходилось 40 процентов глобальных активов, а самые богатые 10 процентов взрослых владели 85 процентами всех богатств мира. Во владении нижней половины взрослого населения мира находился 1 процент глобальных богатств [10]. Впрочем, это не более чем моментальный снимок текущих процессов. Каждый день приносит нам все новые известия, все более неприятные как с точки зрения равенства, так и с точки зрения качества жизни всех людей, включая нас с вами.

«Социальное неравенство заставило бы творцов современного проекта покраснеть от стыда», — заключают Мишель Рокар, Доминик Бур и Флоран Оганье в своей статье «Род человеческий под угрозой», опубликованной в *Le Monde* от 3 апреля 2011 г. В эпоху Просвещения, при жизни Фрэнсиса Бэкона, Декарта и даже Гегеля нигде на Земле уровень жизни не был более чем вдвое выше, чем в самом бедном регионе. Сегодня же самая богатая страна, Катар, похвальноется доходом на душу населе-

ния, в 428 раз превышающим аналогичный доход в самой бедной стране — Зимбабве. И при этом не следует забывать, что речь идет о сравнении между *средними величинами* — которое в чем-то сродни пресловутому рецепту конско-рябчиковой колбасы: взять одного коня и одного рябчика...

То, что на планете, попавшей в силки учения об экономическом росте, упорно сохраняется бедность — факт, которого хватит для того, чтобы осмотрительные люди сделали паузу и задумались как о непосредственных, так и о побочных последствиях подобного распределения богатства. Углубляющаяся пропасть, отделяющая бедных и бесперспективных от зажиточных, жизнерадостных, уверенных в себе и шумных — пропасть, глубина которой уже делает ее непреодолимой для всех, кроме самых сильных и наименее щепетильных скалолазов, — представляет собой очевидную причину для серьезного беспокойства. Как предупреждают Рокар и его соавторы, главной жертвой возрастающего неравенства окажется демократия, поскольку такие все более редкие, дефицитные и недоступные блага, как выживание и приемлемая жизнь, превратятся в объект жестокой борьбы (а может быть, и войн) между обеспеченными и погрязшими в нужде.

Таким образом, было поставлено под сомнение и едва ли не опровергнуто одно из фундаментальных моральных оправданий свободно-

рыночной экономики — а именно идея о том, что стремление к личной наживе в то же время создает оптимальный механизм обеспечения общественных благ. В течение двух десятилетий, предшествовавших началу последнего финансового кризиса, в подавляющем большинстве стран-членов ОЭСР* реальный доход наиболее богатых 10 процентов домохозяйств возрос на много быстрее, чем доход наиболее бедных 10 процентов. В некоторых странах реальный доход тех, кто находится на дне общества, фактически сокращается. Соответственно, заметно выросло неравенство в доходах. «В США средний доход верхних 10 процентов сейчас в 14 раз превышает доход нижних 10 процентов», — признает Джереми Уорнер, помощник редактора *Daily Telegraph*, одной из газет, издавна превозносившей эффективную и уверенную работу «невидимой руки» рынков, по убеждению как редакторов, так и подпис-

* Организация экономического сотрудничества и развития, заявляющая о себе на своем веб-сайте как об ассоциации 34 государств, «охватывающих весь земной шар, от Северной и Южной Америки до Европы и Азиатско-Тихоокеанского региона. В их число входят многие наиболее развитые страны мира, а также такие зарождающиеся экономики, как Мексика, Чили и Турция. Кроме того, мы тесно сотрудничаем с такими молодыми гигантами, как Китай, Индия и Бразилия, а также с развивающимися странами Африки, Азии, Латинской Америки и Карибского бассейна. Нашей совместной целью остается строительство более сильного, более чистого, более справедливого мира».

чиков, способной решить все проблемы, порождаемые рынками (и не только ими). К этому он добавляет: «Рост неравенства в доходах, при его явной нежелательности с социальной точки зрения, необязательно имеет значение, если все становятся богаче. Но в тех случаях, когда большинство плодов экономического прогресса достается относительно небольшому числу тех, кто уже и так богат — а именно это происходит на практике, — нас, несомненно, ожидают проблемы» [28].

Это очень осторожное и нерешительное признание, похожее на полуправду, какой оно в реальности и является, сделано на гребне растущей волны исследований и официальной статистики, подтверждающих быстрый рост дистанции между людьми, находящимися на верхних и на нижних уровнях социальной иерархии. В вопиющем противоречии с политическими заявлениями, предназначенными на роль массовых представлений — уже никем не изучаемыми, не оспариваемыми и не проверяемыми — *богатство, накапливающееся в верхних слоях общества, откровенно не желает «просачиваться вниз» и делать остальных людей более богатыми, более счастливыми, либо более уверенными и оптимистичными в отношении своего собственного будущего и будущего их детей...*

В истории человечества неравенство с его слишком явной склонностью к расширяющемуся и ускоряющемуся самовоспроизведе-

нию едва ли может быть названо чем-то новым (о чем свидетельствует цитата из Евангелия от Матфея, с которого начинается эта книга). И все же в последнее время вековечный вопрос неравенства, а также его причин и последствий снова оказался в центре общественного внимания, превратившись в тему ожесточенных дискуссий благодаря появлению весьма неожиданных, эффектных, шокирующих и разоблачительных фактов.

1. НАСКОЛЬКО ВЕЛИКО СОВРЕМЕННОЕ НЕРАВЕНСТВО?

ОДНАКО начнем мы с нескольких цифр, иллюстрирующих грандиозность этих фактов.

Наиболее значительным из их числа является открытие, или, скорее, несколько запоздалое осознание того, что «большой водораздел» в американском, британском и все большем числе других обществ сейчас проходит «не столько между верхами, средними слоями и низами, сколько между крохотной группой на самом верху и едва ли не всеми остальными» [22, р. 7]. Например, «число миллиардеров в США за четверть века с 1982 по 2007 г. увеличилось в сорок раз — в то время как совокупное богатство 400 богатейших американцев выросло с 169 до 1500 млрд долларов». После 2007 г., в годы кредитного коллапса, за которым последовали экономическая депрессия и рост безработицы, эта тенденция усиливалась буквально экспоненциальными темпами: вместо того чтобы — в соответствии с описаниями и всеобщими ожиданиями — в равной мере бить по всем, бедствие проявило печальную и упорную выборочность в нанесении своих ударов: в 2011 г. число миллиардеров в США достигло не пе-

рекрытого на данный момент исторического максимума в 1210 человек, в то время как их совокупное богатство выросло от 3500 млрд долларов в 2007 г. до 4500 млрд долларов в 2010 г. «В 1990 г. вам требовалось состояние в 50 млн фунтов, чтобы попасть в список 200 богатейших жителей Великобритании, ежегодно публикуемый в *Sunday Times*. К 2008 г. эта величина подскочила до 430 млн фунтов, увеличившись почти девятикратно» [22, p. 16]. В целом «совокупное богатство 1000 богатейших людей мира почти вдвое превышает средства, имеющиеся у беднейших 2,5 миллиарда». По данным находящегося в Хельсинки Всемирного научно-исследовательского института экономики развития, люди, составляющие богатейший 1 процент мирового населения, сейчас почти в 2 тысячи раз богаче, чем нижние 50 процентов [см.: 10].

Сопоставив имеющиеся оценки глобального неравенства, Данило Дзоло заключает: «Не требуется большого числа данных для драматического подтверждения того, что „эпоха прав“ в век глобализации клонится к закату. По оценкам Международной организации труда, сейчас 3 млрд человек живут ниже черты бедности, установленной на уровне 2 доллара США в день» [15]. Как в дополнение к этому указывает Дзоло, Джон Гэлбрейт в предисловии к «Докладу о развитии человеческого потенциала» Программы развития ООН за 1998 г. сообщал, что 86 процентов всех производимых

в мире товаров и услуг достаются 20 процентам населения мира, в то время как на долю беднейших 20 процентов приходится лишь 1,3 процента всех благ; сегодня же, спустя почти пятнадцать лет, эти цифры лишь усугубились: богатейшие 20 процентов населения потребляют 90 процентов произведенных благ, а беднейшим 20 процентам достается 1 процент. Кроме того, согласно некоторым оценкам, 20 богатейших людей мира владеют таким же количеством ресурсов, что и беднейший миллиард.

Десять лет назад Гленн Файрбо отмечал, что давние тенденции в сфере мирового неравенства демонстрируют признаки поворота — от роста неравенства между нациями и не возрастающего или снижающегося неравенства внутри наций к сокращению неравенства *между нациями* и росту неравенства *внутри них* [см.: 16]. В то время как «развивающиеся» или «зарождающиеся» национальные экономики испытывали крупномасштабный наплыв капитала, стремящегося к освоению новых «девственных земель», обещающих быструю прибыль и населенных дешевой и смирной рабочей силой, еще не зараженной бациллой консюмеризма и готовой трудиться за вознаграждение, которого едва хватает для выживания, рабочие места в «развитых» экономиках исчезали все более высокими темпами, быстро лишая местную рабочую силу возможностей для торга. Десять лет спустя Франсуа Бургиньон

обнаружил, что, хотя глобальное неравенство (между национальными экономиками), понимаемое как средний доход на душу населения, все еще сокращается, расстояние между богачей и беднейшими жителями Земли продолжает увеличиваться, как и различия в доходах внутри стран [см.: 14].

Все эти и многие другие аналогичные цифры обобщил лауреат Гонкуровской премии, экономист и романист Эрик Орсенна в интервью, взятом у него Моник Атлан и Роже-Подем Друа. Он утверждал, что недавние преобразования пошли на пользу лишь исчезающе малой доле населения мира; ее истинные размеры ускользнут от нас, если наш анализ будет сводиться к изучению средней выгоды, полученной верхними 10 процентами населения, как мы обычно поступали всего десять лет назад [см.: 8, р. 384]. Для того чтобы понять механизм происходящей на наших глазах *мутации* (отнюдь не являющейся просто одной из «фаз цикла»), необходимо рассмотреть верхний 1 процент, а может быть, даже верхнюю 0,1 процента населения. Не сделав этого, мы упустим реальный итог изменений, состоящий в *размывании «среднего класса» и превращении его в «прекариат»*.

Эта гипотеза подтверждается всеми исследованиями, как посвященными какой-либо конкретной стране, так и имеющими более широкий охват. Однако, помимо этого, все авторы

сходятся еще и на том, что почти во всех странах мира быстрыми темпами возрастает неравенство, а это означает, что богатые, и в первую очередь очень богатые, становятся еще богаче, в то время как бедные, и в первую очередь очень бедные, становятся еще беднее — как правило, в относительном, но все чаще также и в абсолютном смысле. Более того, богатые люди становятся еще богаче просто потому, что они богаты. Бедные же люди становятся еще беднее просто потому, что они бедны. В наши дни углубление неравенства обуславливается его собственной логикой и импульсом. Ему не требуется какой-либо помощи, стимулов или толчков извне. Представляется, что социальное неравенство сегодня как никогда приблизилось к тому, чтобы превратиться в первый в истории вечный двигатель — который после бесчисленных неудачных попыток наконец-то удалось изобрести и привести в движение. Это второй факт, заставляющий нас взглянуть на социальное неравенство с новой точки зрения.

Еще в 1979 г. исследование, осуществленное Институтом Карнеги, ярко продемонстрировало то, на что указывали многочисленные доступные на тот момент факты и что регулярно подтверждал опыт повседневной жизни: будущее каждого ребенка в первую очередь определяется социальными обстоятельствами, тем, где он родился, и местом, занимаемым его родителями в его родном обществе — а вовсе не его

способностями, талантами, упорством и настойчивостью. Шансы на то, что сын юриста крупной компании к сорока годам будет получать доход, который обеспечит ему место среди богатейших 10 процентов жителей страны, в 27 раз превышали соответствующие шансы сына мелкого чиновника, то получающего работу, то теряющего ее (несмотря на то что оба отпрыска сидели за одной партой в одном классе, получали одинаковые оценки, учились одинаково прилежно и обладали одним и тем же коэффициентом интеллекта); при этом его одноклассник имел лишь один шанс из восьми на получение хотя бы медианного дохода. Менее чем тридцать лет спустя, в 2007 г., ситуация намного усугубилась — пропасть расширилась и углубилась, став менее преодолимой, чем когда-либо прежде. Согласно исследованию Управления Конгресса США по бюджету, совокупное состояние самого богатого 1 процента американцев составляет 16,8 трлн долларов, что на 2 трлн больше, чем совокупное богатство нижних 90 процентов населения. По данным Центра за американский прогресс, в течение этих трех десятилетий средний доход нижних 50 процентов американцев вырос на 6 процентов — в то время как доход верхнего 1 процента увеличился на 229 процентов [13].

В 1960 г. средняя зарплата руководителей крупнейших американских корпораций после выплаты налогов в 12 раз превышала средний

заработок фабричных рабочих. К 1974 г. заработок корпоративных руководителей и получаемые ими бонусы уже примерно в 35 раз превышали средний заработок сотрудников компаний. В 1980 г. средний руководитель зарабатывал уже в 42 раза больше, чем средний служащий, а за следующие десять лет эта цифра удвоилась, составив превышение в 84 раза. Именно тогда, около 1980 г., резко ускорилось возрастание неравенства. К середине 1990-х гг., по данным *Business Week*, величина превышения уже была равна 135; к 1999 г. она достигла 400, а к 2000 г. подскочила до 531... [ibid.] И это лишь немногие из быстро растущего числа аналогичных «значимых фактов» и цифр, собранных в попытках осознать, оценить и измерить их. Подобные факты можно перечислять бесконечно, так же, как нет недостатка в новых цифрах, добавляемых каждым новым исследованием к уже существующему огромному массиву данных.

Но каковы же социальные реалии, стоящие за этими цифрами?

Джозеф Стиглиц следующим образом резюмировал откровения, принесенные драматическим финалом, вероятно, двух из трех следовавших друг за другом десятилетий наибольшего процветания в истории капитализма, завершившихся кредитным крахом 2007 года и последующим кризисом: неравенство всегда оправдывалось тем, что верхи вносят более

значительный вклад в экономику, играя роль «создателей рабочих мест», но «затем настали 2008 и 2009 годы, и на наших глазах те парни, которые привели экономику на край пропасти, обогатились на сотни миллионов долларов». Совершенно очевидно, что на этот раз их доход невозможно оправдать тем, что они сделали для общества: их вкладом были не новые рабочие места, а удлинение очередей «избыточных людей» (как сейчас не без причины именуют безработных). В своей книге «Цена неравенства» Стиглиц предупреждает, что США становятся страной, «в которой богатые живут в замкнутых общинах, посылают своих детей в дорогие школы и имеют доступ к первоклассным медицинским услугам. Между тем остальным приходится жить в мире, где они не чувствуют себя защищенными, могут рассчитывать в лучшем случае на посредственное образование и фактически получают медицинские услуги по карточкам» [27]. Такова картина *двух миров*, не имеющих почти никаких точек соприкосновения и практически прекративших взаимодействовать друг с другом (в США, как и в Великобритании, семьи тратят все большую часть своего дохода на покрытие издержек, связанных с географическим, а также и социальным дистанцированием — чем дальше, тем лучше — от «других людей», и в первую очередь от бедных).

Проводя острое и блестящее вскрытие нынешнего состояния неравенства, Дэниэл Дор-

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru